

Отзыв официального оппонента доктора философских наук, доцента, профессора кафедры философии РГПУ им. А.И. Герцена Антона Яковлевича Кожурина на диссертацию Валерия Ивановича Сатухина «Традиции персонализма в России: философская антропология П.А. Некрасова», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Кандидатская диссертация В.И. Сатухина посвящена философской антропологии П.А. Некрасова – видного представителя Московской философско-математической школы, которая была основана Н.В. Бугаевым. Помимо этих ученых, к Школе принадлежали Л.К. Лахтин, В.Г. Алексеев, В.Я. Цингер. Некоторые исследователи причисляют к ней также Д.Ф. Егорова и П.А. Флоренского. Творческая деятельность П.А. Некрасова не в должной мере получила освещение в исследовательской литературе, а потому представленная работа представляет несомненный интерес, хотя бы как попытка закрыть этот досадный пробел.

В первой главе, озаглавленной «Московская философско-математическая школа и традиции персонализма», автор диссертации исследует направление «метафизического персонализма» в рамках русской философской традиции. Выявляются корни этого направления – философские концепции Г.В. Лейбница и Г. Тейхмюллера. Некоторые исследователи (В.В. Зеньковский, Н.П. Ильин) писали даже о русском неoleyбницеанстве. При этом В.И. Сатухин показывает специфику рецепции идей Лейбница на русской почве – их «антропологизацию», превращение в основание новых учений о человеке, его сущности и существовании. Монадология Лейбница понималась как противовес имперсонализму и всякого рода эволюционно-диалектическим конструкциям, тяготевшим к обезличению человека. Подобный метаморфоз происходит и с учением Тейхмюллера о бытии (С.37).

В.И. Сатухин показывает специфику философского творчества ученых-математиков, которые составили «Московскую философско-математическую школу» во главе с Н.В. Бугаевым. Объектом их критики выступали учения материализма, эмпиризма и позитивизма, расцветшие пышным цветом в

ситуации второй половины XIX века. Представители этой школы настаивали на непосредственной зависимости философии от наиболее проработанных разделов математики. Разумеется, с этим положением можно поспорить и даже привести диаметрально противоположные доводы, но прислушаться все же не помешает. Как известно, идее непрерывности, господствовавшей в математике и науке Нового времени, Н.В. Бугаев противопоставил принцип прерывности, «аритмологию» (Н.К. Гаврюшин трактует ее как неопифагореизм). В этой связи можно назвать раннюю работу П.А. Флоренского «Об одной предпосылке мировоззрения», написанной в русле идей Н.В. Бугаева.

В случае П.А. Некрасова важным представляется неразрывная связь его философско-научных идей с христианским вероучением. Данное обстоятельство автор диссертации особо подчеркивает, связывая его с обучением в Рязанской духовной семинарии (С.49). От себя отметим, что подобное обучение, разумеется, не являлось гарантом от безбожия (вспомним хотя бы идеологов «шестидесятничества», многие из которых были выходцами из соответствующей среды), но в случае П.А. Некрасова дело обстояло именно так. Концептуально оформляя интеллектуальные интуиции Н.В. Бугаева, мыслитель дополнил их отсылками к христианскому вероучению. Для П.А. Некрасова это было принципиально важно. Как указывает автор диссертации, для него «уместна философия, вооруженная и руководимая ортодоксальной христианской мыслью, но, в отличие от религиозных философов, неприемлема философская фантазия в развитии религиозных догм» (С.52).

Во второй главе, носящей заглавие «“Идеальный реализм” П.А. Некрасова: онтологические и гносеологические основания антропологических построений», анализируется философская база построений выдающегося мыслителя. В.И. Сатухин проясняет специфику онтологических построений П.А. Некрасова. В частности, речь идет о его понимании трансцендентного, которое сближает онтологию П.А. Некрасова с онтологией славянофилов и в то же время проводит линию водораздела с построениями Л.М. Лопатина («соратника» по лагерю персонализма). Ключевым понятием онтологии П.А.

Некрасова, указывает автор диссертации, выступает понятие «сознание», связывающее познавательные способности, являющееся принципом единства последних (С.62).

Следующий параграф второй главы посвящен гносеологическим построениям П.А. Некрасова, призванной преодолеть крайности идеализма, рационализма и эмпиризма. Необходимо помнить, что в русской философии рубежа XIX-XX веков мы видим четкую линию на преодоление традиционной схемы идеализм – реализм (=материализм). На это претендует В.С. Соловьев в своей концепции всеединства (идея обожения материи), его ученик и последователь князь С.Н. Трубецкой развивает концепцию «конкретного идеализма», а П.А. Флоренский – «конкретной метафизики». Так что «идеальный реализм» П.А. Некрасова – вполне законное порождение эпохи.

Отсюда – стремление к преодолению крайностей традиционных учений в сфере гносеологии. П.А. Некрасов обозначит свою установку, как «точное познание». Это – способ познавать в дедуктивно-индуктивной логике. На страницах 83-87 представленного исследования автор разбирает социально-философские и антропологические аспекты концепции В.С. Соловьева. В этой связи можно вспомнить крайне уничижительную характеристику антропологических воззрений Р. Декарта и Г.В. Лейбница («жалкие глупости»), данную основоположником русской версии метафизики всеединства в письме к Н.Н. Страхову, и его увлечение учением О. Конта о «Великом (или Высшем) Существо», полемическом по отношению к христианской идее личного бессмертия. Если же говорить о русских представителях персонализма, то один из них, Л.М. Лопатин, удостоился от В.С. Соловьева даже стихотворной критики. Все эти аспекты важны для понимания специфики концепции П.А. Некрасова, который ставил целью развития «обожение не абстрактного человечества, но конкретного человека» (С.90).

Наконец, третья глава, «Человек в “идеально-реальном” мировоззрении Некрасова», В.И. Сатухин интерпретирует понимание способов самореализации личности в учении П.А. Некрасова. Здесь рассматривается

понятия свободы и воли, которые понимаются мыслителем как неотъемлемые от самореализации личности. При этом П.А. Некрасов стремится к постижению целостной природы человека, вступая в конфликт с большинством европейских философских учений. Данный конфликт обусловлен тем, что русский мыслитель ориентировался на православную концепцию человека, от которой западные философские учения были далеки. Среди авторитетов в рамках русской философии П.А. Некрасов называл имена А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Н.П. Гилярова-Платонова, епископа Феофана Затворника.

Создание человека понимается П.А. Некрасовым, как особый акт творения. Для обоснования данного тезиса, опирающегося на православную традицию, философ привлекает аргументацию из той области знания, в которой был наиболее компетентен – математику. В этой связи объектом критики П.А. Некрасова становятся концепция, имевшая едва ли наибольший вес в научном мире того времени. Речь идет о дарвиновской теории эволюции, приобретшей в духовной ситуации второй половины XIX- начала XX века статус своеобразного вероучения. П.А. Некрасов выявляет квазирелигиозный характер этого учения и особенно шумихи, сопровождавшей внедрение его в сознание, используя формулировку К.Н. Леонтьева, «среднего европейца». К критике дарвинизма мы еще вернемся, когда речь пойдет о замечаниях.

Логика философского анализа влекла П.А. Некрасова к разворачиванию социальной антропологии, созданию собственного учения о государстве и обществе. Социальная реальность понималась им как иерархичный организм сообщающихся монад (С.135). Здесь, само собой, разумеется, возникает целый ряд проблем. Важнейшая из них, стоявшая еще перед Лейбницем, заключается во взаимодействии монад между собой. Для протестанта Лейбница она, как нам представляется, так и не была решена, если рассматривать, конечно, сущностные аспекты. Как считал П.А. Некрасов, в рамках православной традиции данная проблема имеет больше шансов на адекватное разрешение. В конечном счете, социально-антропологическое учение русского философа и ученого создает предпосылки для создания оригинальной теории государства и

общества, которое имеет ряд точек соприкосновения с концепциями представителей русского консерватизма. Автор диссертации упоминает в этой связи имена Н.Н. Страбова, П.А. Флоренского. Список можно было бы продолжить (К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, Л.А. Тихомиров и др.).

О достоинствах работы В.И. Сатухина можно еще кое-что сказать, но теперь самое время перейти к недостаткам, которых представленная диссертация, разумеется, не лишена.

Принципиальное замечание относится к проблематике, которую автор разбирает во втором параграфе третьей главы «От метафизики человека – к социальной антропологии: учение П.А. Некрасова о государстве и обществе». Речь идет о критике дарвиновской теории эволюции, особенно в том ее аспекте, который имеет отношение к происхождению человека (С.120-123). П.А. Некрасов указывал, что в его эпоху дарвинизм приобрел характер не научного, а религиозного учения. Его положения принимались на веру, а любая критика воспринималась фактически как ересь. В этом аспекте плодотворным шагом стало бы сопоставление этих идей с идеями крупнейшего русского критика Дарвина – Н.Я. Данилевского. Его фундаментальный труд, «Дарвинизм», кстати, присутствует в списке литературы, но сопоставления в диссертации нет, а жаль.

Еще один аспект связан критикой демократии в концепции П.А. Некрасова. Мы имеем в виду принципиальное различие народа как единого существа и как суммы из множества индивидов. Она возникает в связи с проблемой коллективной воли народа (С.138). Эта проблема была во всей ее остроте поставлена, хотя и не разрешена, еще Ж.-Ж. Руссо и в дальнейшем неоднократно ставила в тупик и политических теоретиков, и практических политиков. Как нам представляется, в диссертации необходимо было указать на предшественников П.А. Некрасова в данном вопросе.

Автору представленной диссертации можно также сделать замечания непринципиального характера, которые имеют скорее характер пожеланий в дальнейшей работе. Например, для своего исследования автор не привлек книгу

Л. Грэхэма и Ж.-М. Кантора «Имена бесконечности: правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве» (была издана «Европейским университетом в Санкт-Петербурге» в 2011 году). В ней разбирались воззрения представителей Московской философско-математической школы.

Как нам представляется, указанные замечания не снижают серьезной научной и практической значимости выполненной автором работы. Положения, выносимые на защиту, находят убедительное освещение в диссертационном исследовании В.И. Сатухина. Несомненна также научная значимость и новизна представленной к защите работы. Автореферат и опубликованные работы отражают содержание диссертации.

Сказанное позволяет сделать вывод, что диссертация Сатухина Валерия Ивановича является завершенной научно-квалификационной работой по философской антропологии, выполненной с учетом современных достижений в данной области, а ее результаты представляют значительную ценность для дальнейших философско-антропологических исследований. Представленная диссертация отличается актуальностью, новизной и доказательностью и отвечает требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 Философская антропология, философия культуры.

Официальный оппонент,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
Института философии человека
Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена

А.Я. Кожурин

197046, Санкт-Петербург, ул. Малая Голосадская, д.26; <http://chelovek.edu.ru>;
тел.: +7-981-803-64-59; e-mail: ankogurin@rambler.ru

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена